

Организатор и вдохновитель крупнейших мероприятий в Доме кинематографистов, удачливый кино- и театральный режиссер, политик, юморист и шоумен, дипломированный врач, ведущий «Темы», наконец... Кем только Юлий Гусман не был. И кем еще будет?!

Юлий Гусман: Какой я Михалкову противник...

Совеседник. — 1996 — № 47 — с. 10

— Юлий Соломонович, почему вы, окончив в 1970 году аспирантуру, все-таки выбрали кино? Из вас, как мне кажется, мог бы получиться хороший врач, скажем, уролог.

— Возможно, потому, что у меня перед глазами есть пример действительно замечательного медика — моего отца Соломона Моисеевича Гусмана, воспитавшего практически всех терапевтов Азербайджана. До последних дней жизни он вставал посреди ночи и шел на другой конец города лечить больного. Отец и представить себе не мог, что за это берут деньги. Вот это был настоящий врач! Ради него я и пошел в медицину. Но медицина — не только хорошая и престижная профессия, а еще и призвание. Просто когда ты имеешь дело с кровью, мочой, потом, ранами, язвами, «просто» больными и калеками, то должен получать наслаждение, какое получает повар, когда готовит вкусную еду, или дирижер, когда управляет оркестром. Помню, папа поднимался на четвертый этаж клиники в поселке Сабучи — простая такая, бесплатная клиника для рабочих, где по 12 человек ютилось в грязных, старых палатах — и спрашивал их: «Как моча?» Потом брал скляночку и смотрел на нее с таким удовольствием! Я же не был готов опускать персты в язвы людей и поэтому пошел в психиатрию.

— Психиатрия-то гораздо более тяжелая, сложная и мрачная наука.

— Согласен. И я все время искал свою нишу, где мог бы существовать как медицинский психолог. Чего стоит название моей по большей части экспериментальной диссертации: «Клинико-психологические корреляции при церебральном атеросклерозе». Так что врачевать людей — не моя специальность. К тому же во мне ведь живут и театральные гены. Моя мама, заведующая кафедрой английского языка в институте, была очень известной в молодости театральной актрисой. Папа ее украл прямо из театрального вуза.

— И вы что, с самого детства приобщились к театру?

— Я с шестого класса играл в теат-

ральном кружке, затем организовал свой детский театр, потом — студенческий, потом — КВН. Вот именно он и сбил меня с пути истинного: я почувствовал счастье писать, ставить.

— С должностью секретаря ЦК комсомола Азербайджана и успешными выступлениями в КВН вы могли позволить себе многое.

— Я не был секретарем ЦК, а только инструктором отдела студенческой молодежи. Когда мы выиграли все кавээнны, меня вызвали на бюро ЦК партии и спросили: «Что ты хочешь? Дачу, машину?» «Нет», — ответил я, — хочу поступить на Высшие режиссерские курсы в Москве.

— Короче, я все бросил, уехал на курсы, успешно закончил и вернулся в Баку, где развернул активную деятельность: поставил рок-оперу «Иисус Христос-суперзвезда». Ее даже десять дней в Москве показывали, пока не пришел человек из Министерства культуры и не заявил: «У вас тут религиозная пропаганда!»

— Вы вместе с Масляковым — самые старые кавээнщики. Но и политик вы со стажем. Как вас уговорило втянуться в это, мягко говоря, не совсем приятное дело?

— А я куда и не втягивался, занимаясь политикой как любой нормальный, честный человек в то время.

— Как бывший член Госдумы и опытный психиатр вы можете определить: что все-таки это такое — Дума?

— Дума — театр, балаган, шоу, клиника и одновременно школа демократии.

— А депутатские привилегии? О них ходило столько слухов.

— Будучи депутатом, я часто слышал об этом. И вот пролетели два

года, никто ни машину по себестоимости мне не продал, ни в банковские аферы не вовлек. Машины служебные по вызову приезжали на полчаса позже, водитель при этом вел себя по-хамски. Вскоре я перестал их вызывать и ездил везде на машине Дома кино (ДК). Кабинет у меня был обычный — с факсом, ксероксом. Привилегии? Свины грязь найдут. Если человек склонен к воровству, он будет везде воровать — потому что так устроен.

— Кстати, об автомобилях. Правда, что вы их меняете как перчатки?

— Иностранного автомобиля у

как в армии: «Не можешь — научим, не хочешь — заставим». И еще: «Делай, как я!»

— «Ника» — еще одно ваше любимое дитя.

— «Ника» — моя задумка, сценарий. Приз, конечно, придумал не один я, хотя занимается им моя команда.

— Вокруг «Ники» постоянно ходят разные слухи. Сказывается ли на призах влияние Гусмана и Мережко? Копнем глубже. Существует ли заговор кинематографистов?

— Слухи такие до нас доходили и завершались скандалами, как, например, с Никитой Михалковым, который в прошлом году реально претендовал на множество «Ник», но отказался их получить.

— А он получил бы хоть какие-то «Ники»? Помня, что на «Урге» несколько лет назад Гостюхина обошли...

— Без всякого сомнения, получил. Шесть или восемь, семь или пять, но получил бы. «Ника» — голосование двухсот пятидесяти супер-профессионалов, на сто процентов честная игра. Если хотите, я вам могу показать, как все хранится,

обидно! Ведь он — гениальный режиссер, люблю его фильмы, а «Утомленные солнцем» считал абсолютным фаворитом прошлого года.

— Михалков, говорят, в последнее время вообще стал очень обидчив.

— Меня больше всего волнуют не отношения человека с человеком, а дело. Демарш Михалкова был направлен не против меня — какой я ему противник! А вот «Ника» заслуживала большего...

— На «Ник» очень трудно попасть. Кого вы приглашаете в первую очередь?

— Схема очень проста: киноакадемики с женами: те, кому вручают, и те, кто вручает, артисты, которые поздравляют, пресса, телевидение — и уже до 17-го ряда все забито. Моя семья «проползла» за девять лет из девятого ряда в семнадцатый — престиж «Ники» растет, и все больше мест нужно для «дела». Всем остальным я отказываю.

— Кому вы не можете отказать?

— Всем остальным мы не можем не отказать. Я за месяц до церемонии отключаю все телефоны, в том числе и АТС-2, которую Рудкой подарил, запираюсь. В свое время я уже отказал двум вице-премьерам и двум заведующим отделами ЦК КПСС. Ведь все места в зале расписаны персонально, и, если чело-

меня не было. А «Жигулей» поменял одиннадцать за тридцать лет.

— Своеобразный рекорд! «Жигуль» — на три года.

— Примерно так. В Баку, где я жил до 1988-го, «Жигули» не выдерживали местных дорог. И пользуясь тем, что я член Союза кинематографистов, я менял их каждые два с половиной года.

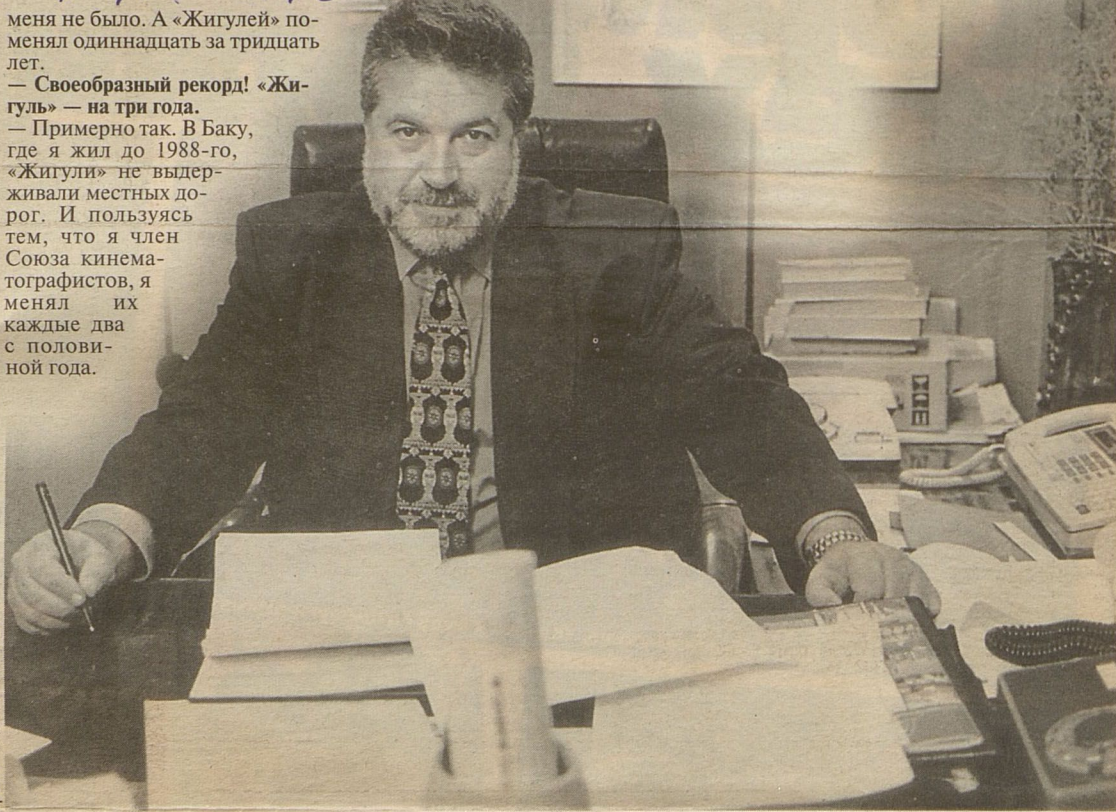

фото Якова Титова

Сейчас у меня перекрашенная в черный цвет старая служебная «Волга».

— Дом кино ваша особая страсть и, наверное, любимое детище?

— В детстве вложено за последние десять лет столько души и сердца! Нас давно никто не финансирует, и деньги достаем с протянутой рукой. Зарплата в ДК после повышения — в среднем 700 тысяч рублей, так что работаем на одном энтузиазме...

Недавно два замечательных, талантливых молодых человека — актер и режиссер предложили переоборудовать ДК в современное ночное заведение.

«Что же делать с коллективом?» — спросил у них я. «Да выгони ты всех своих старушек, поставим девочек с высокими грудями, длинноногих, в кожаных юбочках!»

Я не ханжа, не пуританин и не идиот — умею зарабатывать как советник, консультант, а в условиях нынешней экономики запросто нашел бы себе десяток более высокооплачиваемых мест, но мне жалко, что все это погибнет. Наутро, как только я уйду или только дрогну, сюда хлынут коммерческие структуры.

— Мне кажется, вы жесткий руководитель и держите сотрудников ДК в кулаке.

— Мои принципы в руководстве,

протокол прошлого года — там фамилии известных актеров и режиссеров. К чему я все рассказываю? Человеку очень несвойственно признавать других людей порядочнее себя. «Весь мир — г...», все люди — б...!» — вот принцип, который помогает быть негодяем. (Редакция не может позволить себе буквальные цитирования. — *Авт.*)

А случай с «Ургой»? Да, на приз за мужскую роль шел Гостюхин. Какое точно количество голосов за него подано, я не знал, но динамика такая была...

А в последний день голосования принесли две анкеты, которые и решили исход. Победил грузинский актер Бурдули, которого я никогда и не знал. И Никита решил, что мы из-за того, что Гостюхин не сможет приехать на церемонию, подтасовали, вставили Бурдули. Но это невозможно! Виктор Мережко, президент киноакадемии, каждый год появляясь на сцене, не знает победителей. Только я — ведущий, секретарь и счетная комиссия в курсе.

А вы говорите: заговор...

— Какие у вас сейчас отношения с Никитой Михалковым?

— Никакие. «Привет!» — «Привет!» Мы с ним встречались. Я ему подробно ситуацию ту рассказал в деталях, клялся, божился. Было безумно

век передаст кому-то билет, мы его не пустим.

— А если позвонит, к примеру, Чубайс? Посадите его в первый ряд?

— Конечно, не в первый, но посадить с удовольствием — в случае чего стул вынесем. Но профессиональный праздник кинематографистов — прежде всего дело кинематографистов.

— Вы стали вести телепередачу «Тема». Зачем? Ведь этих ток-шоу на каждом канале — по десятку. Все токует: кто с политиками, кто с бизнесменами, кто с женщинами, кто с масками, а кто и с самим собою.

— Не скрою, возвращение на телевидение — событие для меня радостное. На ТВ я работаю как собака: за последние годы я не тратил столько сил и здоровья, как на телеканале.

Мне всегда казалось, что у меня есть талант собеседника, рассказчика, спорщика и одновременно очень многое, многое хотелось спросить. Приход на ТВ — не моя инициатива, а Вида, Андрея Разба-

ша — он активно меня уговаривал. Я не верил, вроде уже староват, толстоват. Но ничего, «Тема» получается, по крайней мере на три с плюсом. Авось к январю дотяну до твердой четверки.

Игорь ГАВРИКОВ.